

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

VLADIMIR SLOBODYAN, PIANO

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY

STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Игорь Стравинский (1882–1971)

1 Весна, соч. 6 № 1 6.02

Сергей Прокофьев (1891–1953)

2 Кудесник, соч. 23 № 5 5.20

3 Катерина, соч. 9 № 6 3.17

Владимир Юровский (1915–1972)

Шесть романсов, соч. 4

4 1. К милой 2.37

5 2. К беде 3.29

6 3. Доброй ночи 2.08

7 4. Ландыш. 3.33

8 5. Другу 6.00

9 6. Музыка 4.59

Марк Минков (1944–2012)

«Плач гитары», вокальный цикл на слова Федерико Гарсиа Лорки

10 1. Гитара 3.19

11 2. Не видит никто в этом поле слёзы 1.58

12 3. Балладилья о трёх реках 2.59

13 4. Танец и смерть 5.25

14 5. Пейзаж 4.32

15 6. Кармен 2.14

Общее время: 57.59

Александра Дурсенева, меццо-сопрано

Любовь Орфёнова, фортепиано (1), Владимир Слободян, фортепиано (2–15)

Igor Stravinsky (1882–1971)

1 Spring, Op. 6 No. 1 6.02

Sergei Prokofiev (1891–1953)

2 The Magician, Op. 23 No. 5 5.20

3 Katerina, Op. 9 No. 6 3.17

Vladimir Jurowski (1915–1972)

Six romances, Op. 4

4 1. To – 2.37

5 2. Invocation to Misery 3.29

6 3. Good-night 2.08

7 4. Lily-of-the-Valley 3.33

8 5. Song 6.00

9 6. Music 4.59

Mark Minkov (1944–2012)

The guitar weeping, vocal cycle on lyrics by Federico García Lorca

10 1. The Guitar 3.19

11 2. Ay! 1.58

12 3. Little Ballad of the Three Rivers 2.59

13 4. Dance and Death 5.25

14 5. Landscape 4.32

15 6. Carmen 2.14

Total time: 57.59

Alexandra Durseneva, mezzo-soprano

Lyubov Orfenova, piano (1), Vladimir Slobodyan, piano (2–15)

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Этот диск – зеркало моей души, отражение периода жизни, когда я была любима и очень счастлива. Эмоции, переполнявшие меня, прекрасно передает музыка непростого, противоречивого и многоликого XX века, которая и сейчас продолжает звучать во мне...

От всей души благодарю за помощь своих друзей, единомышленников и поклонников, поддержавших меня на разных этапах создания этого альбома: Ольгу и Сергея Чарыковых, Викторию и Алексея Ефановых, Рустэма Залялетдинова, Екатерину Белокрылову, а также профессора Антонио Фаллико, председателя совета директоров Банка Интеза.

Спасибо всей семье Юровских за доверие, Галине Минковой – за понимание, Дмитрию Маслякову – за терпение.

Мои особенные слова благодарности человеку, который был со мной в самом начале большого пути в камерной музыке – педагогу и концертмейстеру Диане Гендельман. Она мой камертон и по сию пору.

Спасибо моей дорогой Любви Орфёновой за веру, любовь и бескорыстное служение музыке, Дмитрию Эльяшеву – за часы, проведенные в студии звукозаписи, Светлане Лихачёвой – за эквиритмичность перевода стихов на английский, Жанне Яковлевой и Сергею Табунову – за креативность в воплощении художественного образа моего «я».

И лишь об одном важном для меня творческом союзе, который длится, к моему счастью, уже много лет, с Владимиром Слободяном, я предпочту умолчать. Лучше просто послушать наш диск.

Ваша Александра Дурсенева

Диск издан при поддержке Банка Интеза

XX век был совсем недавно, но постоянно выясняется, как много в нем уже забытого или наоборот еще не признанного. Новый диск Александры Дурсеневой представляет четыре композиторских имени, два из которых давно относятся к классикам и вопросов не вызывают. Это Игорь Стравинский и Сергей Прокофьев. Хотя совсем ранняя «Весна монастырская» (1907) Стравинского и два насмешливых романа Прокофьева – «Кудесник» (1915) и «Катерина» (1944) – тоже не принадлежат к самым исполняемым их сочинениям. Но все же главным содержанием диска является музыка двух других авторов – Владимира Юровского и Марка Минкова. Шесть романсов одного и шесть другого записаны впервые.

Фамилия Юровских сейчас у всех на слуху, эта могучая семья с тремя дирижерами (два брата и их отец) хорошо известна. С ней Александр Дурсеневу многие годы связывают тесные творческо-дружеские отношения. Но гораздо меньше знают Юровского-деда, который был композитором. Нынешний художественный руководитель Госоркестра Владимир Михайлович Юровский – его полный тезка, он родился через пару месяцев после смерти деда и был назван в его честь.

Владимир Михайлович Юровский-старший (1915–1972) вырос в украинском городке Тараща, где его отец занимался фотографией и владел первым в этих местах кинотеатром. Можно сказать, что мир немного кино был для мальчика вместо детского сада, он очень рано проявил очевидные музыкальные способности, начал импровизировать и работать тапером. Потом он учился в Киеве, а в 18 лет поступил в Московскую консерваторию к Мясковскому. Во время войны в эвакуации в Куйбышеве сблизился с Шостаковичем, который оценил его балет «Алые паруса», написанный для Большого театра (преьера прошла в 1942 году прямо в Куйбышеве). Михаил Владимирович Юровский вспоминал: *«Отец прекрасно играл на фортепиано, знал наизусть огромное количество музыки. Я помню, как во время наших многочисленных разговоров отец садился за рояль и играл фрагменты из произведений самых разных композиторов, играл даже не пианистически, а как-то оркестрально; слышались даже оркестровые тембры. Отец знал буквально наизусть “Леди*

Макбет” Д.Д. Шостаковича. Именно в его “домашнем” исполнении я впервые услышал эту гениальную музыку».

Идеологические ураганы, бушевавшие вокруг Шостаковича, Прокофьева и других композиторов, Юровского не задел, все-таки он много работал в наиболее безопасной нише. Музыка для кино, театра и детских мультфильмов всегда была важной частью его профессии и в итоге заслонила все остальное: сложно конкурировать с песенкой «Паровозика из Ромашкова», мимо которой, наверное, не прошел ни один советский и постсоветский ребенок. Музыка к мультфильмам «Золотая антилопа», «Чьи в лесу шишки», «Заколдованный мальчик» – это тоже он.

Однако композитор Владимир Юровский оставил и солидный перечень произведений «высоких» жанров: несколько балетов, оперу, неизбежные оратории на патриотическую тематику, два цикла симфонических картин «Русские художники», пять симфоний, романсы. Выбранные для этого диска шесть ранних романсов на тексты Городецкого и бальмонтские переводы Шелли, запись которых семья Юровских доверила Александре Дурсеневой, являются прямыми наследниками дореволюционной русской вокальной лирики, но звучащей строго, скупой и даже затаенно. Вдумчивая партия рояля важна не меньше, чем голос.

Марк Анатольевич Минков (1944–2012) принадлежит совсем другой эпохе, другой музыкальной среде. Но теперь уже можно сказать, что, как и творчество Юровского, его сочинения составляют часть той огромной затонувшей Атлантиды русской музыки XX века, которую еще поднимать и поднимать. Он тоже получил фундаментальное музыкальное образование, окончил Московскую консерваторию, учился у Николая Сидельникова и Арама Хачатуряна, является автором нескольких опер и балетов. Но кроме того, он написал музыку к более чем шестидесяти фильмам (его всем известные позывные – «Наша служба и опасна и трудна» из сериала «Следствие ведут знатоки») и находился в самом эпицентре такого пестрого явления, как позднесоветская поп-культура. Исполнители его песен – Лев Лещенко, Валентина Толкунова, Иосиф Кобзон, Жанна Рождественская, Михаил Боярский, Андрей

Макаревич, Елена Камбурова и Алла Пугачёва. Среди совместных работ с Пугачёвой есть «Не отрекаются любя» на текст Вероники Тушновой и «Монолог» на текст Марины Цветаевой, до сих пор не утратившие своей пронзительности. Вкус к серьезной поэзии – очень привлекательная черта его творчества.

Написанный в начале 1970-х вокальный цикл «Плач гитары» на стихи Федерико Гарсиа Лорки – шесть контрастных романсов, эффектно раскрашенных кинематографической знойностью. Цикл имел вполне академическую судьбу: был в репертуаре Зары Долухановой, входил в обязательную программу вокалистов на конкурсе Чайковского. Александра Дурсенева, сочному голосу которой эта музыка хорошо подходит, хранит ей верность со времен конкурса Глинки, когда «Кармен» из «Плача гитары» в ее исполнении пользовалась большим успехом.

Примерно со времени своих конкурсных побед (среди которых первая премия в 1994 году на конкурсе камерных певцов «Янтарный соловей» в Калининграде) певица работает в труппе Большого театра, а также активно выступает на ведущих оперных площадках мира. В основе ее репертуара русские меццо-сопрановые партии: Ваня в «Иване Сусанине» Глинки, Марфа в «Хованщине» Мусоргского, Любаша в «Царской невесте», Весна в «Снегурочке» и Амелфа в «Золотом петушке» Римского-Корсакова, Басманов в «Опричнике», Марта в «Иоланте» и Графиня в «Пиковой даме» Чайковского, Клариче в «Любви к трем апельсинам» и Дуэнья в «Обручении в монастыре» Прокофьева. Из недавних событий – концертное исполнение оперы Прокофьева «Семён Котко» в амстердамском Консертгебау под управлением Владимира Юровского. В ближайших планах – участие в «Борисе Годунове» Мусоргского на сцене Парижской оперы.

Параллельно с работой в опере не забывает Александра и камерный жанр. Этот диск записан вместе с двумя пианистами, давними партнерами певицы по сцене. Владимир Слободян больше 40 лет живет в Калининграде, он очень продуктивный педагог, известный концертмейстер, неутомимый пропагандист камерной музыки XX века, организатор ансамбля «Музыка XX», создатель уникального концертного цикла «Антология мирового романса»,

в который входило 35 программ и около 1000 произведений. Его партнерами по сцене были Елена Образцова, Мария Биешу, Бэла Руденко, Ольга Бородина. Александра Дурсенева, сотрудничающая со Слободяном со времен «Янтарного соловья», называет его своим «советником по музыке». Еще один верный соратник певицы – пианистка Любовь Орфёнова, концертмейстер Сергея Лейферкуса и Виталия Таращенко, один из самых востребованных русских коучей, педагогов по языку, без которых не обходятся сегодня серьезные постановки русских опер на ведущих мировых сценах. Недавняя важная ее работа – выпуск «Снегурочки» Римского-Корсакова в Парижской опере (режиссер Дмитрий Черняков).

Екатерина Бирюкова

Альбом, записанный Александрой Дурсеневой, интересен благодаря редко исполняемому репертуару. Замечательные романсы И. Стравинского и С. Прокофьева, признанных классиков XX века, соседствуют с произведениями советских композиторов более позднего времени, произведениями замечательными.

Я хорошо знал Марка Минкова, мы учились с ним в Московской консерватории. Помимо прекрасных эстрадных песен М. Минков написал ряд замечательных произведений в академических жанрах. Прекрасным примером является его вокальный цикл «Плач гитары».

С особым чувством я слушал запись романсов моего отца, Владимира Михайловича Юровского, на тексты великого английского поэта Перси Шелли. В. Юровский, в основном, работал в крупных музыкальных жанрах: опера, балеты, симфоническая музыка. Тем более драгоценны немногочисленные романсы, отразившие его внутренний мир, его трепетную душу... Мне кажется, что романсы, написанные в 1936 году 21-летним композитором, и сейчас не потеряли своей свежести и музыкальной привлекательности.

Хочется отметить глубоко проникновенное исполнение А. Дурсеневой, талантливой оперной певицы, создавшей яркие образы в каждом романсе, и ее прекрасный ансамбль с пианистами Л. Орфёновой и В. Слободяном.

Михаил Юровский

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Марк Минков (фото из архива семьи Минковых)
Mark Minkov (photo from the Minkov family archive)

Владимир Юровский (фото из архива семьи Юровских)
Vladimir Jurowski (photo from the Jurowski family archive)

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Владимир Слободян (фото из архива В. Слободяна)
Vladimir Slobodyan (photo from the V. Slobodyan archive)

Ирина Соколова, Борис Тищенко, Владимир Слободян, Наталья Карандакова, Владимир Белов, Юлия Замятина, Татьяна Воропай, Анна Нетребко, Ирина Архипова, Александра Дурсенева, Нгуен Тхань, Михаил Никифоров. Международный конкурс вокалистов им. М. И. Глинки 1993 г., Смоленск (фото из архива В. Слободяна)
Irina Sokolova, Boris Tishchenko, Vladimir Slobodyan, Natalia Karandakova, Vladimir Belov, Julia Zamyatina, Tatiana Voropay, Anna Netrebko, Irina Arkhipova, Alexandra Durseneva, Nguen Than, Mikhail Nikoforov.
The Glinka International Vocal Contest (1993), Smolensk
(photo from the V. Slobodyan archive)

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

The twentieth century was there not so long ago, but we still keep finding out how much is already forgotten or, on the contrary, still to be learnt. Alexandra Durseneva's new album features four composers, two of which have long been known as unquestionable classics. These are Igor Stravinsky and Sergei Prokofiev. Although Stravinsky's very early *Cloistral Spring* (1907) and Prokofiev's two derisive romances *The Sorcerer* (1915) and *Katerina* (1944) are not among their most frequently performed works either. But still the music by the other two composers – Vladimir Jurowski and Mark Minkov – is the highlight of the album. Six romances by the former and six romances by the latter have been recorded for the first time.

The Yurovskys is a household family name now. This mighty family with three conductors (two brothers and their father) is really well known. Alexandra Durseneva has maintained close relationships with them for many years now. However, grandfather Jurowski, who was a composer, is much less known. Vladimir Mikhailovich Jurowski, the current leader of the State Orchestra, is his full namesake, was born a couple of years after the grandfather's passing and named after him.

Vladimir Mikhailovich Jurowski Senior (1915–1972) grew up in the Ukrainian town of Tarashcha where his father did photography and owned the first cinema around there. One may say that the world of silent movies replaced the kindergarten for the boy. He showed his apparent music capabilities at a very young age, started to improvise and work as a hired pianist. Then he studied in Kiev, and at the age of eighteen entered the Moscow Conservatory to study with Myaskovsky. During the war, he was evacuated to Kuibyshev where he made friends with Shostakovich who appreciated his ballet *Scarlet Sails* written for the Bolshoi Theatre (the premiere took place in 1942 right there in Kuibyshev).

Mikhail Vladimirovich Jurowski remembered: “My father was a remarkable pianist and knew a huge amount of music by heart. I remember our numerous conversations when he would sit at the grand piano and play fragments from the works of different composers, he would play them not pianistically but somehow orchestrally; I could really hear orchestral timbres. My father knew Shostakovich's *Lady Macbeth* literally by heart. It was his “home” version when I heard that great music for the first time”.

The ideological hurricanes that raged around Shostakovich, Prokofiev and other composers did not affect Jurowski. However, he worked hard in the safest of the niches. Music for cinema, theatre and animated cartoons for children was always an important part of his profession and eventually pushed everything else into the background – it's hard to compete with the song from *The Little Steam Engine from Romashkovo* known to every kid born in the Soviet and post-Soviet periods. The music for the animated cartoons *The Golden Antelope*, *Who Has All the Cones in the Forest* and *The Enchanted Boy* is his as well.

However, the composer Vladimir Jurowski also left an impressive list of works written in “high” genres – a few ballets, an opera, inevitable oratorios on patriotic topics, two cycles of symphonic pictures named *Russian Painters*, five symphonies and romances. The Jurowski entrusted Alexandra Durseneva with recording of six early romances set to Gorodetsky's verses and Balmont's translations of Shelley's poems. Direct successors of Russian pre-revolution lyric vocal art, these romances sound in a strict, reserved and even repressed manner. A thoughtful part of the piano is as important as the voice.

Mark Anatolievich Minkov (1944–2012) belongs to a different time and a different music environment. But now we can say that just like Jurowski legacy his works make a part of that enormous sunk Atlantis of 20th century Russian music that is yet to be buoyed up. He also received a fundamental music education, studied at the Moscow Conservatory with Nikolai Sidelnikov and Aram Khachaturian, and wrote a number of operas and ballets. Besides, he composed music for over sixty motion pictures (the commonly known tune *Our service is both dangerous and hard* from the TV series *Experts Hold an Investigation*) and was in the thick of such a motley phenomenon as pop music of the late Soviet period. He wrote songs for Lev Leshchenko, Valentina Tolkunova, Iosif Kobzon, Zhanna Rozhdestvenskaya, Mikhail Boyarsky, Andrei Makarevich, Elena Kamburova and Alla Pugacheva. His collaborations with Pugacheva on *Those Who Love Don't Renounce* to Veronika Tushnova's lyrics and on *Monologue* to Marina Tsvetayeva's poem still sound as poignantly as before. His taste in serious poetry is what makes his song catalogue so attractive.

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Written in the early 1970s, the vocal cycle *Crying of the Guitar* to Federico Garcia Lorca's poems comprises six contrasting romances spectacularly painted in passionate cinematic colours. The fate of the cycle was quite academic – it was in Zara Dolukhanova's repertoire and was an obligatory part of the Tchaikovsky Competition's vocal tournament. Alexandra Durseneva, whose succulent voice is perfect for this music, has remained loyal to it since the time of the Glinka Competition when *Carmen* from *Crying of the Guitar* performed by her was a big success.

The singer has worked in the Bolshoi company since about the time of her competition successes (which include the first prize of the chamber vocal competition Amber Nightingale held in Kaliningrad in 1994) and been active on the world's leading opera stages. Russian mezzo-soprano parts are a foundation of her repertoire – Vanya in Glinka's *Ivan Susanin*, Marfa in Mussorgsky's *Khovanshchina*, Lyubasha in *The Tsar's Bride*, Spring in *The Snow Maiden* and Amelfa in *The Golden Cockerel* by Rimsky-Korsakov, Basmanov in *The Oprichnik*, Martha in *Iolanta* and the Countess in *The Queen of Spades* by Tchaikovsky, Clarice in *Love for Three Oranges* and Duenna in *Betrothal in a Monastery* by Prokofiev. Her performance in the concert version of Prokofiev's *Semyon Kotko* conducted by Vladimir Jurowski at Amsterdam's Concertgebouw is among the notable recent events. The singer is to appear in Mussorgsky's *Boris Godunov* on the stage of the Paris Opera.

Performing as an opera singer, Alexandra does not forget the chamber genre. This album has been recorded with two pianists, the singer's long time stage partners. Vladimir Slobodyan has lived in Kaliningrad for over forty years, is a very prolific teacher, well-known concertmaster, tireless advocate of the 20th century chamber music, founding member of the ensemble Music XX and creator of a unique concert cycle *Anthology of World Romance* which included 35 programmes and about a thousand works. He has been a stage partner to Elena Obraztsova, Maria Bieșu, Bela Rudenko, Olga Borodina, Alexandra Durseneva, who has collaborated with Slobodyan since Amber Nightingale calling him her "advisor in music". The singer's other loyal companion is the pianist Lyubov Orfyonova, a concertmaster for Sergei Leiferkus and Vitaly Tarashchenko, one of the most in-demand Russian coaches and language tutors for serious productions of Russian operas on

world's leading stages. The new production of *The Snow Maiden* by Rimsky-Korsakov at the Paris Opera (staged by Dmitri Chernyakov) is one of her recent important projects.

Ekaterina Biryukova

The album recorded by Alexandra Durseneva arouses interest as it features a rarely performed repertoire. The wonderful romances by Igor Stravinsky and Sergei Prokofiev, the recognized 20th century classics, are there along with the remarkable works by Soviet composers of a later period.

I knew Mark Minkov very well. He and I studied at the Moscow Conservatory. Apart from the excellent popular songs, Minkov wrote a number of remarkable academic works. His vocal cycle *Crying of the Guitar* is a fine example.

I was listening to the recordings of the romances written by my father, Vladimir Mikhailovich Jurowski, to the texts of the English poet Percy Bysshe Shelley with a special feeling. Vladimir Jurowski mostly composed large-scale music pieces such as operas, ballet and symphonic music. It certainly makes his few romances that reflected his inner world, his gentle soul even more precious... It seems that the romances written in 1936 by the 21-year-old composer have not lost their freshness and musical attractiveness.

I want to mention the deeply moving performance of Alexandra Durseneva, a talented opera singer who created vivid images in each of the romances, and her wonderful ensemble with pianists Lyubov Orfenova and Vladimir Slobodyan.

Michail Jurowski

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

1

Сергей Городецкий
БЕЧА

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела!
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:

«Ах ты, поле, моя воля,
Ах, дорога дорога!
Ах, мосток у чиста поля,
Свечка Чиста Четверга!

Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышит жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась
У высокого моста,
Пламя свечек колебалось,
Целовались в уста.

Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый такой?
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий покой!»
Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря!

Sergei Gorodetsky
SPRING

Bells a-dingling, bells a-chiming,
Ding-dong bells and dreamlike bells,
Up the hillsides steeply climbing
Green and steep are dingly dells.
Whitewashed walls are all unstained:
So the Prioress has ordained!
By the side of the convent gate
Sexton's daughter bemoans her fate:

"Ah, my freedom like the meadow,
Ah, my poor, hapless plight!
Ah, the high bridge in the shadow,
Ah, Shear Thursday candlelight!

Ah, my candle burned hot and steady,
But his candle flickered out.
He bend over, his breath was heady,
My heart aflame, I turned about.

I fell behind, I stayed behind,
By the bridge, I stayed with you,
Our candles flickered in the wind,
While we shared a kiss or two.

Where are you, beloved and kisséd,
Where are you, so sweet, so kind?
Ah, spring dews and vapours misted,
Ah, my maidenly peace of mind!"
Bells a-dingling, bells a-chiming,
Ding-dong bells and dreamlike bells,
Up the hillsides steeply climbing
Green and steep are dingly dells.
Whitewashed walls are all unstained:
So the Prioress has ordained –
Not to tarry late
By the convent gate!

Translation by Svetlana Likhacheva

2

Николай Агнивцев
КУДЕСНИК

В старом замке за горою
Одинокий жил кудесник.
Был «на ты» он с сатанюю –
Так поётся в старой песне.

Был особой он закваски:
Не любил он вкуса пудры
И не верил женской ласке,
Потому, что был он мудрый!

Но без женской ласки, право,
Жизнь немного хромонога...
Деньги, почести и слава
Без любви? Да ну их к богу!

И сидел он вечер каждый,
О взаимности тоскуя.
И задумал он однажды
Сделать женщину такую,
Чтоб она была душевно
Наподобие кристалла,
Не бранилась ежедневно
И не лгала! И не лгала!

И, склоняся к своим ретортам,
Сделал женщину кудесник,
Ибо он «на ты» был с чёртом –
Так поётся в старой песне.

И, чиста и непорочна,
Из реторты в результате
Вышла женщина... Ну точно
Лотос Ганга в женском платье!
И с улыбкой очень милой
Целый день она несмело
За кудесником ходила
И в глаза ему смотрела.
И немедля, по приказу,

Nikolay Agniltsev
THE MAGICIAN

There lived an old magician
In a keep where the mountain rose,
Deep in occult erudition,
As the ancient ballad goes.

This magician was most queer:
He could stomach no cosmetic,
And mistrusted women's cheer, –
Adept of the arts hermetic!

But without caresses tender
Life is sort of lame and stale...
Wealth and glory, praise and splendor,
But – no love? It's no avail.

Thus his loneliness he abided
Longing for a life more human.
And he finally decided
To create a perfect woman –
With a soul pure and clear
Like a crystal in a moulding;
Always truthful and sincere,
Never nagging, never scolding.

To his crucibles went magician,
To his forge and to his bellows,
Deep in occult erudition,
As the ancient ballad tells us.

After all the countless changes,
There appeared a woman – pure
Like a lotus of the Ganges,
Chaste, and spotless, and demure.
Sweet, and timid, and beguiling,
She would follow him around,
Treading softly, fondly smiling,
Like a shadow to him bound.

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY

STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Все желанья исполняла
И не вскрикнула ни разу,
И ни разу не солгала...

Ровно через две недели
Вышел из дому кудесник
И повесился на ели...
Так поётся в старой песне!

КАТЕРИНА

(русская народная песня)

Я сидела до сумерек,
Показались день маленек,
Пора до двора.
Эх, пора до двора, эх,
Пора до двора, эх!
Не пора ли ды да двора
Целовати молодца?
Не пора ли ды да двора
Целовати молодца?

– Не забудь меня, ды да,
Катеринушка, эх!
– Я ды тогда тебя забуду,
Ды когда в девках жить не буду.
Катеринушка, эх, Катеринушка!

Отдавали молодую да
На чужую ды сторону.
Да не за равнюшку, эх,
Не за равнюшку.
Эх, не за равнюшку. Эх!
– Ты садися да,
Катя, с нами,

She obeyed his wishes gladly,
Ever docile and complying,
And she never raged madly,
And she never went a-lying...

In a fortnight, very shortly,
He went out In the throes,
And he hanged himself on a fir-tree
As the ancient ballad goes.

Translation by Svetlana Likhacheva

KATERINA

(Russian folk song)

I stayed out till the nightfall,
Well, the day it seemed a space too small,
It's time to get to the homestead.
Hey, it's time to get back to the homestead, hey,
Time to get to the homestead, hey!
Isn't it time to get to the homestead,
There to kiss a bonny lad?
Isn't it time to get to the homestead, yea,
There to kiss a bonny lad?

– Do not forget me, just do not forget,
Katerinushka, ah!
– I will forget you, like I said,
When I'm no longer a maid.
Katerinushka, hey, Katerinushka!

The young girl was given away
To a foreign land to stay,
And it was an unequal match, hey,
Yea, it was an unequal match,
Ah, it was an unequal match, ah!
– Do join us, Katie, pray, be seated,
And let us go take a ride.

Да поедем мы гулять.
Ты садися ды,
Катя, с нами,
Да поедем мы гулять.

Малыша искать ды да,
Малыша искать, эх!
Ты не плачь, ты не плачь,
Катюша, ты не плачь,
Милая подружка.
Катеринушка, эх, Катеринушка!

Ты не плачь, Катюша,
Ты не плачь, Катюша,
Катюша, Катюша!

Перси Биши Шелли К МИЛОЙ

Я ласк твоих страшусь, как горьких мук,
Но ты меня не бойся, нежный друг, –
Так глубока души моей печаль,
Что огорчить тебя мне было б жаль.

Мне страшен каждый вздох твой, каждый звук,
Но ты меня не бойся, нежный друг, –
О, верь мне, я тебя не погублю,
Тебя я, как мечту, как сон люблю.

Перевод Константина Бальмонта

– Do join us, Katie, pray, be seated,
And let us go take a ride.

Let's go looking for the babe, ah,
Let's go looking far and wide, hey!
But don't cry, just don't cry,
Katyusha, please, don't cry,
You darling girl, you dear heart,
Katerinushka, ah, Katerinushka!

Do not cry, Katyusha,
Just do not cry, Katyusha,
Katyusha, Katyusha!

Translation by Svetlana Likhacheva

Percy Bysshe Shelley ТО –

I fear thy kisses, gentle maiden,
Thou needest not fear mine;
My spirit is too deeply laden
Ever to burthen thine.

I fear thy mien, thy tones, thy motion,
Thou needest not fear mine;
Innocent is the heart's devotion
With which I worship thine.

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY
STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

5

Перси Биши Шелли
К БЕДЕ

Приходи ко мне, беда,
В тень одетая всегда,
Наречённая печаль,
Ты безгласно смотришь вдали,
Мне тебя всем сердцем жаль.

Пусть кажусь унылым я,
Будь со мной, любовь моя.
Я счастливее, чем ты,
О, создание красоты,
Скорбно-царственной мечты.

Мы вдвоём, как брат с сестрой,
Раньше были уж с тобой,
Мы с тобой не в первый раз,
И опять настанет час,
На года скуёт он нас.

Тёмный рок – служить Судьбе,
Все ж его возьмём себе;
Есть любовь, хоть умер май,
Я люблю, и ты ласкай,
Ад сердечный будет Рай.

Приходи ко мне, беда,
В тень одетая всегда,
Наречённая печаль.

Перевод Константина Бальмонта

Percy Bysshe Shelley
INVOCATION TO MISERY

Come, be happy! – sit near me,
Shadow-vested Misery:
Coy, unwilling, silent bride,
Mourning in thy robe of pride,
Desolation – deified!

Come, be happy! – sit near me:
Sad as I may seem to thee,
I am happier far than thou,
Lady, whose imperial brow
Is endiademed with woe.

Misery! we have known each other,
Like a sister and a brother
Living in the same lone home,
Many years – we must live some
Hours or ages yet to come.

'Tis an evil lot, and yet
Let us make the best of it;
If love can live when pleasure dies,
We two will love, till in our eyes
This heart's Hell seem Paradise.

Come, be happy! – sit near me,
Shadow-vested Misery:
Coy, unwilling, silent bride...

6

Перси Биши Шелли
ДОБРОЙ НОЧИ

Доброй ночи? О, нет, дорогая! Она
Не добра, если гонит любовь мою прочь;
Проведём её вместе с тобою без сна, –
И тогда будет добрая ночь!

Разве может быть добрая ночь без тебя?
Разве в силах я грусть о тебе превозмочь?
Нет, весь мир позабыть, трепеща и любя, –
Это добрая ночь!

Ночь лишь тем хороша, что мы ночью нежней,
От влюблённых сердец скорбь уносится прочь,
Но не будем совсем говорить мы о ней, –
И тогда будет добрая ночь!

Перевод Константина Бальмонта

7

Сергей Городецкий
ЛАНДЫШ

О чём вы шепчетесь, кусты?
О бездне синей высоты?
О сумраке у ног своих,
Где ландыш беленький притих.

Уже томит его жара,
И умирать ему пора,
А лето только подошло,
Развеяв первое тепло.

Печален, кроток и красив,
Сухие чашечки склонив,
В последний раз он прозвенит,
Последним вздохом опьянит

Percy Bysshe Shelley
GOOD-NIGHT

Good-night? ah! no; the hour is ill
Which severs those it should unite;
Let us remain together still,
Then it will be good night.

How can I call the lone night good,
Though thy sweet wishes wing its flight?
Be it not said, thought, understood –
Then it will be good night.

To hearts which near each other move
From evening close to morning light,
The night is good; because, my love,
They never say good-night.

Sergei Gorodetsky
LILY-OF-THE-VALLEY

What is the copse rustling about?
The vastness blue without a cloud?
Or is it twilight shadows that cover
The lily-of-the-valley's bower?

The air is hot, the heat is high,
The little flower's doomed to die,
Though summertime has just begun,
Rich with the first glow of the sun.

Doleful and lovely, sweet and shy,
It droops its cup-like blossoms dry
To jingle for the last of times,
To perfume with its farewell sighs

Вечерний воздух, и земля
Поглотит жемчуг со стебля
В грудь ненасытную свою.
А я ей песенку спою.

Она дала, она взяла.
Она сплела в один веночек
И сладость первого тепла
И смерти горький холодок.

Перси Биши Шелли
ДРУГУ

Неверный друг моей мечты,
Вздохнёшь ли ты, поймёшь ли ты,
Что твой умерший друг не дышит?
Но что улыбка, что слеза
Для тех, кого смела гроза!
Живого мёртвый не услышит.
Змея в твоей улыбке! Милый!
В твоих слезах смертельный яд,
Так это правду говорят,
Что видишь правду над могилой!

О, если б мог быть смертным сон,
О, если б смерть была как он,
Такой же ласковой и нежной,
Глаза смежила б я тогда,
Чтобы забыться безмятежно
И не проснуться никогда.
И не проснуться никогда.

Ты слышишь звон?
То стон разлуки.
Два сердца врозь: в твоём – покой,
В моём, истерзанном тоской,
Неумирающие муки!

Перевод Константина Бальмонта

The evening air, and the earth
Will pluck the pearl amidst the swarth
To bury it in its bosom deep,
And I will sing, to lull it asleep.

It gave away, it took away,
It did entwine in a single wreath
The sweetness of the first warm day
As well as the bitter chill of death.

Translation by Svetlana Likhacheva

Percy Bysshe Shelley
SONG (Beatrice's Song from Cenci)

False friend, wilt thou smile or weep
When my life is laid asleep?
Little cares for a smile or a tear,
The clay-cold corpse upon the bier!
Farewell! Heighho!
What is this whispers low?
There is a snake in thy smile, my dear;
And bitter poison within thy tear.

Sweet sleep, were death like to thee,
Or if thou couldst mortal be,
I would close these eyes of pain;
When to wake? Never again.
O World! Farewell!
Listen to the passing bell!
It says, thou and I must part,
With a light and a heavy heart.

— 9 *Перси Биши Шелли*
МУЗЫКА

Умолкли музыки божественные звуки,
Пленив меня на миг своим чудесным сном.
Вослед моей мечте я простираю руки,
Пусть льётся песня вновь серебряным дождём.
Как выжженная степь ждёт ливня и прохлады,
Я страстно звуков жду, исполненных отрады.

О, гений музыки! Растёт тоски волна!
Пошли мне звонких струй живое сочетание!
Я светлый кубок твой не осушил до дна,
Я в сердце не убил безбрежное страданье!
Ещё, ещё, молю! Как шумный водопад,
Пошли мне звонких струй блистательный каскад!

Фиалка нежная тоскливо ждёт тумана,
Чтоб чашечку её наполнил он росой,
Так точно жажду я минутного обмана
Созвучий неземных с их дивною красотой.
И вот они звучат... Я с ними вновь сливаюсь...
Я счастлив... Я дрожу... Я плачу... Задыхаюсь.

Перевод Константина Бальмонта

Percy Bysshe Shelley
MUSIC

I pant for the music which is divine,
My heart in its thirst is a dying flower;
Pour forth the sound like enchanted
wine,
Loosen the notes in a silver shower;
Like a herbless plain, for the gentle rain,
I gasp, I faint, till they wake again.
Let me drink of the spirit of that sweet
sound,
More, oh more, – I am thirsting yet;
It loosens the serpent which care has
bound
Upon my heart to stifle it;
The dissolving strain, through every
vein,
Passes into my heart and brain.

As the scent of a violet withered up,
Which grew by the brink of a silver lake,
When the hot noon has drained its
dewy cup,
And mist there was none its thirst
to slake –
And the violet lay dead while the odour
flew
On the wings of the wind o'er the wa-
ters blue –
As one who drinks from a charmed cup
Of foaming, and sparkling, and murmur-
ing wine,
Whom, a mighty Enchantress filling up,
Invites to love with her kiss divine...

10

Федерико Гарсиа Лорка
ГИТАРА

Начинается
Плач гитары,
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от неё
Молчанья,
Не проси у неё
Молчанья!
Неустанно гитара плачет,
Как вода по каналам – плачет,
Как ветра над снегами – плачет,
Не моли её
О молчаньи!
Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскалённый плачет
О прохладной красе камелий.
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала...
О, гитара!
О, бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!

Перевод Марины Цветаевой

Federico García Lorca
THE GUITAR

The weeping
of the guitar begins.
The glasses of the early dawn
are smashed.
The weeping
of the guitar begins.
Useless
to silence it.
Impossible
to silence it.
It weeps monotonous,
the way that water weeps,
the way the wind weeps
over snowdrift.
Impossible
to silence it.
It weeps for things
far, far away.
Hot southern sands
that yearn for white camellias.
Weeps – like an arrow without target,
an evening without morning,
and the first dead bird
upon the branch.
Ah, guitar –
Heart deadly wounded
by five swords.

Translation by Dr Timothy John Chilcott

11

Федерико Гарсиа Лорка
НЕ ВИДИТ НИКТО В ЭТОМ ПОЛЕ СЛЁЗЫ

Ветром крик мой подхвачен,
Эхо горестно плачет.
Не видит никто в этом поле слёзы.

Сердце моё – страдать оно молча не
хочет
Не видит никто в этом поле слёзы.
Сердце ночи встречает пожаром
печали.

Ночь, словно месть.
Не видит никто в этом поле слёзы!

Перевод Бориса Дубровина

12

Федерико Гарсиа Лорка
БАЛАДИЛЬЯ О ТРЁХ РЕКАХ

Гвадалquivир струится
в тени садов апельсинных.
Твои две реки, Гранада,
бегут от снегов в долины.
Ах, любовь,
ты исчезла навеки,
ты исчезла навеки,
ты исчезла навеки!
В кудрях у Гвадалquivира
пламенеют цветы граната.
Одна – кровью, другая – слезами
льются реки твои, Гранада.
Ах, любовь,
ты прошла, словно ветер,
ты прошла, словно ветер,
ты прошла, словно ветер!

Federico García Lorca
AY!

The cry leaves a cypress
shadow on the wind.
(Leave me weeping
in this field.)
Everything has broken in the world.
Nothing remains but the silence.
(Leave me weeping
in this field.)
The moonless horizon
is bitten up by bonfires.
(I've told you already to leave me
here in this field,
weeping.)

Translation by Dr Timothy John Chilcott

Federico García Lorca
LITTLE BALLAD OF THE THREE RIVERS

The river Guadalquivir
flows through orange and olive trees.
The two rivers of Granada
fall from snow to wheat.
Oh love
that left and did not return.

The river Guadalquivir
has a crimson-coloured beard.
The two rivers of Granada:
one weeping and the other blood.
Oh love
that left and did not return
Seville now has a road
for sailing ships;
on the waters of Granada
nothing rows but sighs.

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY

STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Проложены по Севилье
для парусников дороги.
По рекам твоим, Гранада,
плавают только вздохи.
Ах, любовь,
ты исчезла навеки,
ты исчезла навеки,
ты исчезла навеки!

Но разве уносят реки
огни болотные горя?
Они апельсины и мирты
несут в андалузское море.
Ах, любовь,
ты исчезла навеки,
ты прошла, словно ветер!
Любовь.

Перевод Валерия Столбова

Федерико Гарсиа Лорка
ТАНЕЦ И СМЕРТЬ

В ночи сада,
выбеленной мелом,
пляшут шесть цыганок
в белом.
В ночи сада
розаны и маки
в их венках из крашеной
бумаги.

В ночи сада,
будто пламя свечек,
сумрак обжигают
зубы-жемчуг.

Oh love
that left and did not return.

Who would guess the water bears
A will-o'-the-wisp of cries!
Oh love
that left and did not return
Take olives, Andalusia,
Take orange blossom to your seas.
Oh love
that left and did not return.

Translation by Dr Timothy John Chilcott

Federico García Lorca
DANCE AND DEATH *

In the garden's night,
six gypsy girls,
dressed in white,
are dancing.
In the garden's night,
crowned
with paper roses
and jasmine.

In the garden's night,
their teeth – mother-of-pearl –
score the burnt
shadow.

В ночи сада,
за одной другая,
тени всходят, неба
достигая.

В белом домике скоро
отмучится
петенера, цыганка-разлучница.
В белом домике скоро
отмучится
петенера, цыганка-разлучница.

В ночи сада,
выбеленной мелом,
пляшут шесть цыганок
в белом.
В ночи сада
розаны и маки
в их венках из крашеной
бумаги.
Колеблется, догорая,
свеча в её пальцах нетвердых,
юбка её из муара
дрожит на бронзовых бёдрах.

В ночи сада,
будто пламя свечек,
сумрак обжигают
зубы-жемчуг.
В ночи сада,
за одной другая,
тени всходят, неба
достигая.

Острые чёрные тени
тянутся к горизонту.
И рвутся гитарные струны
и стонут, и стонут.

And in the garden's night,
their shadows lengthen
and reach up to the sky,
all purple.

In the white house,
mankind's perdition dies.
In the white house,
mankind's perdition dies.

In the garden's night,
six gypsy girls,
dressed in white,
are dancing.
In the garden's night,
crowned
with paper roses
and jasmine.
Beneath the trembling
stars of the oil lamps,
her skirt of moiré shimmies
between her copper thighs.

In the garden's night,
their teeth – mother-of-pearl –
score the burnt
shadow.
And in the garden's night,
their shadows lengthen
and reach up to the sky,
all purple.

Long, sharpened shadows
advance from the blurred horizon,
and the bass string of a guitar
breaks.

* *Dance and Death* in Russian lyrics by Mark Samayev consists of two poems by Lorka:
In The Garden Of The Petenera and *Death Of The Petenera* (editor's note)

ALEXANDRA DURSENEVA

ROMANCES OF 20th CENTURY

STRAVINSKY • PROKOFIEV • JUROWSKI • MINKOV

Кони мотают мордами.
Всадники мёртвые, мёртвые.

В ночи сада,
выбеленной мелом,
пляшут шесть цыганок
в белом.

Перевод Марка Самаева

Федерико Гарсиа Лорка
ПЕЙЗАЖ

Масличная равнина
Распахивает веер,
Запахивает веер.
Над порослью масличной
Склонилось небо низко,
И люются тёмным ливнем
Холодные светила,
Холодные светила.

На берегу канала
Дрожат тростник и сумрак,
А третий – серый ветер.
Полным-полны маслины
Тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
Их длинными хвостами,
Играет тьма ночная.

Полным-полны маслины
Тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
Их длинными хвостами.

Перевод Марины Цветаевой

A hundred ponies prance around.
Their riders are all dead.

In the garden's night,
six gypsy girls,
dressed in white,
are dancing.

Translation by Dr Timothy John Chilcott

Federico García Lorca
LANDSCAPE

The field
of olive trees
opens and closes
like a fan.
Above the olive grove,
a sunken sky
and a dark rain
of cold stars.
Bulrush and twilight tremble
at the river's edge.
The grey air ripples.
The olive trees
are weighed down
with cries.
A flock
of captive birds
that move their long long
tails amid the gloom.

Translation by Dr Timothy John Chilcott

15

Федерико Гарсиа Лорка
КАРМЕН

Танцует в Севилье Кармен
У стен, голубых от мела,
И жарки зрочки у Кармен,
А волосы Кармен белы.

Невесты, закройте ставни!

Змея в волосах желтеет,
И словно из дали дальней,
Танцую, встаёт былое
И бредит любовью давней.

Невесты, закройте ставни!

Пустынны двory Севильи,
И в их глубине вечерней
Сердцам андалусским снятся
Следы позабытых терний.

Невесты, закройте ставни!

Танцует в Севилье Кармен.

Перевод Анатолия Гелескула

Federico García Lorca
DANCE

Carmen is dancing
through the streets of Seville.
White is her hair
and her eyes shining.
Girls,
close the curtains!
Round her head, a yellow
snake is coiling up,
and she dreams of dancing
with admirers from the days gone by.
Girls,
close the curtains!
The streets are empty.
But in the depths, a glimpse
of Andalusian hearts
in search of ancient thorns.
Girls,
close the curtains!

Translation by Dr Timothy John Chilcott

Запись 2017 г. Recorded in 2017.
Звукорежиссер – Александр Михлин Sound engineer – Alexander Mikhlin

Редактор – Дмитрий Масляков Editor – Dmitry Maslyakov
Фото – Сергей Табунов (кроме стр. 8–11) Photo – Sergey Tabunov (except pp. 8–11)
Дизайн – Анна Ким Design – Anna Kim

Переводы: Николай Кузнецов (текст), Светлана Лихачёва (стихи),
Тимоти Джон Чилкотт (стихи) Translation: Nikolai Kuznetsov (text), Svetlana Likhacheva (lyrics),
Dr Timothy John Chilcott (lyrics)

Цифровое издание – Дмитрий Масляков, Роман Томлянкин Digital release – Dmitry Maslyakov, Roman Tomlyankin

© РАО, 2017 © ООО "НАЦИОНАЛЬНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО" ПО ЛИЦЕНЗИИ BOOSEY & HAWKES MUSIC PUBLISHERS LTD, 2017
© НАСЛЕДНИКИ МАРКА МИНКОВА, 2017 © МИХАИЛ ЮРОВСКИЙ, 2017 © СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ, НАСЛЕДНИКИ, 2017 © АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА, 2017
АО «ФИРМА МЕЛОДИЯ». 123423, МОСКВА, КАРАМЫШЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, Д. 44, INFO@MELODY.SU
ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORIZED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND BROADCASTING PROHIBITED.
LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM JSC «FIRMA MELODIA», KARAMYSHEVSKAYA NABEREZHNYAYA 44, MOSCOW, RUSSIA, 123423, INFO@MELODY.SU.

IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORIZED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

MEL CD 10 02509

WWW.MELODY.SU

РУССКИЕ РОМАНСЫ. АЛЕКСАНДРА ДУРСЕНЕВА
Чайковский, Римский-Корсаков, Бородин,
Рубинштейн, Мусоргский, Метнер, Рахманинов

Александра Дурсенева, *меццо-сопрано*
Владимир Слободян, *фортепиано*
Любовь Орфёнова, *фортепиано*

RUSSIAN SONGS. ALEXANDRA DURSENEVA
Tchaikovsky, Rimsky-Korsakov, Borodin, Rubinstein,
Mussorgsky, Medtner, Rachmaninoff

Alexandra Durseneva, *mezzo-soprano*
Vladimir Slobodyan, *piano*
Lyubov Orfenova, *piano*

MEL CD 10 02318